

ПРОТОКОЛ

Роман о фактах, контексте и памяти, которая не умеет понимать

Виталий Корчагин

Виталий Корчагин

Протокол

«Автор»

2026

Корчагин В.

Протокол / В. Корчагин — «Автор», 2026

«Протокол» — продолжение романа «Горизонт», действие которого происходит спустя двенадцать лет. Общество научилось надёжно сохранять факты: записи больше нельзя незаметно подделать, происхождение событий подтверждается, прошлое стало почти технически проверяемым. Но очень быстро возникает другая проблема — какой контекст считать достаточным и кто решает, что именно должно быть сохранено рядом с фактом? Мария Левина работает специалистом по контекстной реконструкции и постепенно обнаруживает предел системы, созданной для защиты от искажений: можно сохранить событие, но нельзя автоматически сохранить его смысл. А наблюдатель, который должен был лишь фиксировать реальность, со временем сам становится её частью.

© Корчагин В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1. Нейтральный пакет	6
2. Память государства	9
3. Достаточно	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Виталий Корчагин

Протокол

Факт можно сохранить.

Контекст приходится выбирать.

Действие происходит в том же мире, что и «Горизонт», спустя двенадцать лет после его основных событий.

1. Нейтральный пакет

В девять ноль четыре утра Мария Левина получила событие, которое длилось две целых восемь десятых секунды.

Мужчина стоял у двери квартиры и говорил женщине:

— Я тебя найду.

Потом поворачивался и уходил.

На этом событие заканчивалось.

Мария просмотрела запись ещё раз.

Изображение было чистым. Звук — чистым. Временная подпись совпадала с муниципальным сервером. Два домашних устройства подтвердили присутствие обоих участников. Смарт-браслет женщины зафиксировал ускорение пульса. Лифт подтвердил, что мужчина покинул дом через сорок семь секунд.

ЦЕЛОСТНОСТЬ СОБЫТИЯ: 99,997%

Справа мигала задача:

Подготовить нейтральный контекстный пакет для суда.

Дело 18-441/К.

Предполагаемая угроза причинения вреда.

Мария нажала «контекст».

Система спросила:

Рекомендуемое окно: 6 минут 30 секунд до / 3 минуты после.

Применить?

Она применила.

За шесть минут до фразы мужчина и женщина спорили на кухне.

— Ты не имеешь права сюда приходить, — сказала женщина.

— Я пришёл за документами.

— Я отправлю их через адвоката.

— Мне завтра в консульство.

— Это не моя проблема.

Он повысил голос.

Она сказала, что вызовет полицию.

Он ответил, что тогда «всё станет ещё хуже».

Через несколько минут они оказались у двери.

— Я тебя найду.

Контекст делал фразу хуже.

Мария поставила предварительную маркировку:

угрожающее значение — вероятно.

Потом по привычке открыла предыдущие связанные события.

За два дня до этого женщина отправила мужчине сообщение:

Я увезла папку. Не ищи меня. Если понадобится — сама свяжусь.

Он ответил:

Там мой паспорт и документы матери. Мне нужно забрать их до пятницы.

Она не ответила.

За четыре дня до этого мужчина писал своему адвокату:

Если она опять пропадёт, придётся искать через адресную службу.

За неделю до события в переписке с сестрой он написал:

Я не хочу её видеть. Хочу только документы.

Мария вернулась к фразе.

— Я тебя найду.
Теперь она звучала иначе.
Не безопасно.
Не дружелюбно.
Просто иначе.
Она увеличила окно до семи дней.
Система предупредила:

Расширение контекста может снизить нейтральность пакета за счёт включения большого числа слабосвязанных событий.

Мария усмехнулась.

— Спасибо.

За семь дней мужчина дважды пытался получить документы через адвоката, один раз через общую знакомую и один раз через официальное уведомление. Женщина во всех случаях отказывалась отвечать.

Но на восьмой день назад, уже за пределами выбранного окна, обнаружилось другое событие.

Мужчина разбил кулаком дверь шкафа во время ссоры.

Мария остановилась.

Она расширила окно до тридцати дней.

За двадцать три дня до фразы женщина сказала подруге:

— Когда он злится, я его боюсь.

За двадцать девять дней мужчина сказал психотерапевту:

— Я никогда её не ударю. Но иногда мне хочется, чтобы она испугалась и наконец перестала делать вид, что я пустое место.

Мария откинулась в кресле.

На экране по-прежнему было одно и то же событие.

Две целых восемь десятых секунды.

Фраза не изменилась ни на один бит.

Изменилось всё вокруг неё.

— Левина, ты пакет когда отдашь? — спросил Павел с соседнего стола.

— Через час.

— Ты его с утра делаешь.

— Именно.

— Там две секунды.

— Именно.

Павел подъехал на кресле.

— Дай угадаю. Ты опять пытаешься восстановить всю человеческую цивилизацию до момента высказывания.

— Пока только месяц.

— Скромно.

Мария закрыла тридцатидневное окно и вернулась к рекомендованным шести минутам тридцати секундам.

Так требовал стандарт.

Она ещё раз посмотрела пакет.

Внутри него мужчина выглядел опаснее, чем в недельном.

В недельном — безопаснее, чем в месячном.

Все три пакета состояли только из подлинных событий.

Ни один ничего не подделывал.

В десять тридцать семь Мария отправила в суд официальную версию.

6 минут 30 секунд до / 3 минуты после.

В поле «примечание специалиста» она написала:

Выбранное окно соответствует действующему стандарту. Расширение окна существенно изменяет интерпретацию события в обоих направлениях.

Система подчеркнула второе предложение жёлтым.

Формулировка может быть воспринята как оценочная. Удалить?

Мария нажала:

НЕТ.

Через несколько секунд пакет получил государственную подпись.

В левом верхнем углу появился знакомый знак Протокола — чёрная точка внутри незамкнутой окружности.

Под ним стоял девиз:

Интерпретации расходятся. Протокол остаётся.

Мария смотрела на него дольше обычного.

Впервые за восемь лет работы ей показалось, что в этой фразе пропущена половина предложения.

2. Память государства

Протокол появился после Кризиса свидетельств.

Так его называли учебники.

Люди, пережившие те годы взрослыми, называли всё проще:

— Когда вообще нельзя было понять, что было.

Сначала подделывать изображение стало проще, чем проверять его.

Потом подделывать голос.

Потом целые видеозаписи.

Следующим шагом оказались не подделки, а бесконечные взаимные обвинения в подделке.

Настоящая запись перестала быть сильным доказательством, потому что любой человек мог сказать:

— Сгенерировано.

Поддельная запись тоже перестала быть сильным оружием, потому что любой человек мог сказать то же самое.

На несколько лет общество оказалось в странном информационном равновесии, где доказать можно было почти всё и почти ничего.

Тогда появились независимые устройства первичной фиксации.

Они подписывали данные в момент возникновения, распределяли контрольные суммы между несколькими независимыми хранилищами и сохраняли цепочку происхождения записи.

Первоначально их использовали банки, больницы и суды.

Потом полиция.

Потом транспорт.

Потом люди начали устанавливать домашние узлы сами.

Не потому, что любили наблюдение.

Потому что однажды сосед сказал:

— Я не заливал вашу квартиру.

А датчик на трубе ответил:

— Заливал.

Спор закончился за восемь минут.

Человечество оценило.

Через пятнадцать лет разные системы объединили в Протокол событий.

Он не записывал всё.

По крайней мере, это всегда подчёркивали.

Протокол хранил только данные из сертифицированных источников: муниципальные камеры, транспортные системы, медицинские устройства, добровольно подключённые личные приборы, официальные документы, защищённые коммуникации и те частные записи, владельцы которых разрешили использовать их в конкретном деле.

У каждого события была степень полноты.

У каждого источника — история надёжности.

У каждого пакета — цепочка отбора.

Судьи полюбили Протокол почти сразу.

Страховые компании — ещё быстрее.

Разводящиеся супруги — не сразу, но тоже.

Постепенно появилась новая профессия: **специалист по контекстной реконструкции**.

Потому что выяснилось, что запись события решает удивительно мало проблем без ответа на вопрос:

что показать рядом с ней?

Мария поступила в Службу Протокола в двадцать семь лет.

Ей нравилась идея работы.

Не искать виноватого.

Не доказывать версию.

Не убеждать.

Просто собирать максимально нейтральную последовательность событий, достаточную для того, чтобы другой человек принял решение.

На первом курсе подготовки преподаватель сказал:

— Вы не судьи. Вы не следователи. Вы не психологи. Ваша задача — не объяснить событие. Ваша задача — не исказить его контекстом.

Кто-то поднял руку.

— А отсутствие контекста не искажает?

Преподаватель улыбнулся.

— Именно поэтому у вас будет два года обучения.

Тогда Марии это показалось мудрым.

Через восемь лет — немного издевательским.

После дела «Я тебя найду» её вызвала начальница отдела Ольга Викторовна.

Кабинет у неё был стеклянный и настолько чистый, что люди иногда в него врезались.

На двери висела маленькая матовая полоска.

После третьего случая.

— Ты добавила комментарий к пакету 18-441, — сказала Ольга.

— Да.

— Суд запросил пояснение.

— Хорошо.

— Не хорошо. Они спрашивают, почему наш стандартный пакет «существенно изменяет интерпретацию» при расширении окна.

— Потому что существенно изменяет.

— Я понимаю русский язык, Маша.

— Тогда вопрос решён.

Ольга посмотрела на неё.

— Ты сегодня весёлая.

— Понедельник.

— Сегодня четверг.

— Тем более.

Ольга повернула монитор.

Там были три версии пакета, которые Мария собирала утром.

— Какую ты считаешь правильной?

— Ни одну.

— Очень полезный ответ для суда.

— Все три подлинны. В шестиминутной версии он выглядит как человек, который пришёл давить. В недельной — как человек, который пытается вернуть документы. В месячной — снова как человек, которого можно обоснованно бояться.

— И что ты предлагаешь?

— Показать все три.

— Судья утонет.

— Тогда пусть выберет один.

— По какому правилу?
Мария молчала.
Ольга откинулась в кресле.
— Вот именно.
Она закрыла пакеты.
— На следующей неделе рабочая группа пересматривает Стандарт достаточного контекста. Я добавила тебя.
— За что?
— За любовь к проблемам.
— Я их не люблю.
— Ты просто очень долго на них смотришь.
— Это другое.
— Скажешь рабочей группе.
На выходе Мария остановилась у двери.
— Ольга Викторовна.
— Что?
— А почему именно шесть минут тридцать секунд?
— Что?
— Стандартное окно для бытовой угрозы. Почему шесть тридцать до и три после?
Ольга задумалась.
— Исследования показывали, что этого обычно достаточно для причинно связанной коммуникации.
— Какие исследования?
— Не знаю. Посмотри документацию.
Мария кивнула.
В документации она ничего не нашла.
Потом нашла старую ссылку.
Потом архивный документ.
Потом приложение к нему.
На странице сто двадцать семь была сноска:
Параметры окна выбраны как компромисс между полнотой и вычислительной стоимостью пилотного комплекса 2032 года.
Мария перечитала дважды.
Шесть минут тридцать секунд существовали потому, что тридцать лет назад сервер начал тормозить на больших окнах.
Сервер давно списали.
Стандарт остался.
Она отправила Ольге скриншот.
Через минуту пришёл ответ:
Никому пока не показывай.
Мария улыбнулась.
История человечества снова оказалась чуть менее метафизической, чем документация.

3. Достаточно

Рабочая группа называлась Комиссией по семантической достаточности.

Название придумал человек, которого после этого перевели в Министерство методологии.

Мария считала перевод заслуженным.

В комнате сидели двенадцать специалистов: юристы, инженеры, два судьи, психолог, представитель полиции, специалист по приватности и мужчина из Института динамики возможностей.

На табличке перед ним было написано:

АЛЕКСЕЙ СОКОЛОВ

Мария знала фамилию.

Её поколение выросло уже после реформы Горизонта, но Соколова всё ещё иногда приглашали на лекции как человека, который «помог системе научиться показывать собственное незнание».

Он был значительно старше фотографий из учебников и выглядел так, будто очень устал от этой формулировки.

Председатель комиссии начал с презентации.

— Проблема известна. Чем шире контекст, тем выше потенциальная полнота и ниже операционная полезность. Наша задача — определить общие критерии достаточности.

На экране появился график.

По горизонтали: объём контекста.

По вертикали: качество решения.

Линия красиво росла, потом выходила на плато.

Мария подняла руку.

— Откуда график?

— Иллюстративный.

— То есть вы не знаете, что линия такая?

— Это концептуальная схема.

— А плато точно есть?

Председатель посмотрел на неё с выражением человека, который уже жалел о составе комиссии.

— Госпожа Левина, мы здесь именно для того, чтобы определить его положение.

— Я спрашиваю, существует ли оно вообще.

Соколов тихо рассмеялся.

Председатель повернулся к нему.

— Алексей Сергеевич?

— Не обращайтесь внимания. Профессиональная травма.

— У вас есть позиция?

— Пока только неприятное воспоминание.

— Какое?

— Лет двадцать назад мы тоже нарисовали график с плавным плато там, где данных не было. Очень успокаивало.

Кто-то улыбнулся.

Председатель убрал график.

— Хорошо. Без плато.

Следующие два часа комиссия перебирала варианты.

Причинная связанность.

Временная близость.
Семантическая связанность.
Связанность по участникам.
Изменение вероятности юридической квалификации.
Изменение оценки намерения.
Изменение ожидаемого решения независимого эксперта.
Каждый критерий создавал новые проблемы.
Если включать только причинно связанные события — кто определяет причинность?
Если всё, что меняет оценку — оценку кого?
Если ограничивать временем — почему час, а не год?
Если ограничивать участниками — что делать с событиями, в которых участника не было, но которые сформировали ситуацию?
После обеда судья Кравцов сказал:
— Нам всё равно нужна граница.
Мария ответила:
— Конечно.
— Тогда почему вы спорите с каждой?
— Потому что граница нужна вам для работы. Это не означает, что она существует в самом событии.
В комнате стало тихо.
Соколов посмотрел на неё внимательнее.
— Вот это запишите, — сказал он.
Секретарь записал.
Кравцов нахмурился.
— Если мы начнём так рассуждать, любой адвокат сможет требовать контекст до рождения обвиняемого.
— Я не предлагаю показывать всё.
— Тогда что?
Мария подумала.
— Показывать не только выбранный контекст, но и основание выбора. И отмечать, какие альтернативные окна существенно меняют интерпретацию.
— Это усложнит каждое дело.
— Да.
— В десять раз.
— Возможно.
— Суды встанут.
— Тогда нужен компромисс.
— То есть граница.
— Да. Но не надо притворяться, что компромисс — свойство истины.
Соколов опять улыбнулся.
На перерыве он подошёл к автомату с кофе одновременно с Марией.
Автомат написал:
ВЫБЕРИТЕ НАПИТОК.
Соколов посмотрел на экран.
— Опасное предложение.
— У вас с выбором сложные отношения?
— Были профессиональные.
Мария выбрала капучино.
— Вы правда тот Соколов?

— Боюсь, да.

— Который Горизонт.

— Я надеялся, что существует ещё какой-нибудь известный Соколов.

— Почему вы здесь?

— Протокол использует наши модели для оценки причинной связанности событий. А ваши люди хотят расширить интеграцию.

— Зачем?

— Чтобы система могла автоматически определять, какие события потенциально изменяют жизненные траектории участников и поэтому достойны включения в контекст.

Мария медленно поставила стакан.

— То есть чтобы решить, что важно в прошлом, вы хотите использовать модель возможного будущего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.